

что въ дальнѣйшемъ ужъ все подчиняетъ веденію и руководительству разсудка. Въ немъ склонность къ позитивному, внѣшне познанному, положительному вступаетъ въ борьбу непримиримую со склонностью къ познанію внутреннему, вдохновенному. И страшное зіяющее противорѣчіе остается не закрытымъ до самого конца непрерывной, могучей, упорной работы писателя. Позитивистъ слишкомъ часто бралъ перевѣсъ, при чемъ онъ очень легко сладился съ моралистомъ въ Толстомъ. Тогда художникъ совсѣмъ отходилъ въ сторону, какъ и вдохновенный ученикъ Благовѣстителя, и сотни страницъ богословскихъ и морально-публицистическихъ трактатовъ писателя создавались до полной мертвенности сухими и безжизненными, дѣловито поучающими и разъясняющими.

Эту зіяющую брешь въ своемъ ученіи Толстой не закрылъ, и намъ нельзя не считаться съ ней. Приходится имѣть въ виду какъ бы двѣ дороги мысли писателя, по которымъ онъ шелъ. Но въ то же время нельзя не видѣть, что наибольшій и наиболѣе цѣнный философскій и художественный матеріалъ данъ для обоснованія пути не отъ разума, интуитивнаго пути. Мы обратимся къ объективному и точному разсмотрѣнію данныхъ этого матеріала.